

КАК Я ПЕРЕМЕСТИЛСЯ ВО ВРЕМЕНИ И СТАЛ ОХОТНИКОМ

НА МОНСТРОВ

ДЕНИС ГРОМВЕЛЬ

Денис Громвель

**Как я переместился во времени
и стал охотником на монстров**

«Автор»

2026

Громвель Д.

Как я переместился во времени и стал охотником на монстров /
Д. Громвель — «Автор», 2026

Одним июльским днём я уволился с ненавистной работы, пришёл домой пораньше и застал девушку с другим. А дальше по накатанной. Напился, пошёл за добавкой и попал под колёса автомобиля. Думал это конец. Но нет, у судьбы был другой план! Очнулся в 1886 году на каменном алтаре в теле графа — курсанта тайного Ордена, истребляющего нечисть, перед глазами маячит интерфейс как в какой-то дешёвой РПГ. Петербург, дирижабли, упыри да оборотни в подворотнях. Чтобы выжить, нужно охотиться и качаться. Вот только Орден, похоже, гниёт изнутри. И кто-то очень хочет, чтобы я не дожил до нового дня.

Содержание

Глава 1. Охота	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Денис Громвель

Как я переместился во времени и стал охотником на монстров

Глава 1. Охота

Торговый дом «Братья Елесевы и Ко» встретил меня тишиной. Темнота густела между стеллажами с мануфактурой. Газовые рожки на стенах не горели — сторож потушил их заранее. Я медленно шёл между полок.

Окно лопнуло внутрь.

Звон смешался с рёвом чудовища. Стекланный дождь осыпался на дубовый прилавок и застучал по половицам. Тварь ввалилась в торговый зал. Смела раму вместе с остатками витрины. Когти впились в пол.

Доски треснули.

Я перекатился за опрокинутый шкаф. Латунная ручка ударила под лопатку. В нос шибануло гнилью и мокрой шерстью. Монстр взревел снова — утробно, с присвистом и щелчками.

Свет уличных фонарей просачивался через разбитую витрину. В сумраке помещения упырь был похож на статую, пока не пошевелился.

Тварь поднялась на задние лапы. Ростом с крупного мужика, но шире в плечах. Передние свисают ниже колен. Когти блестят. Череп втянут в плечи. Капли слюны падают и шипят на половицах.

Воняло падалью.

Я выдохнул и поднял револьвер. Система услужливо подсветила цель красным контуром. Перед глазами мигнуло сообщение:

«Упырь одичалый. Уровень 5. Угроза высокая».

— Высокая, — прошептал я. — Без тебя не догадался бы.

Монстр прыгнул.

Шкаф разлетелся в щепки. Я ушёл влево. Стойка с рулонами ткани опрокинулась. Посыпались свёртки. Монстр промахнулся, врезался в стену.

Штукатурка брызнула крошкой. Чудовище развернулось быстрее, чем я успел вскинуть ствол. Лапа ударила наискосок. Когти вспороли воздух в сантиметре от лица. Я отшатнулся назад, запнулся о рулон, упал на спину.

Воздух вышибло из лёгких. Боль резанула позвоночник.

— Не думать. — Прохрипел я. — Действовать!

Я перекатился назад через плечо, вскочил на корточки. Сверкнул воронённый ствол револьвера. Выстрелил. Грохот ударил по ушам. Пуля вошла упырю в грудь.

Монстр дёрнулся, но не остановился. Рана исчезала на глазах, затягивалась тёмной слизью. Через пару секунд осталось только пятно.

— Блин, нужно серебро, — прошептал я.

Я знал и раньше, но серебряные пули закончились ещё на паре ликанов. И в штаб решил не заходить, думал, плёвое дело, быстро разберусь.

В подсумке осталось шесть обычных. Толку с них — только разозлить, да помереть.

Упырь двинулся на меня. Медленно, раскачиваясь. Когти оставляли борозды в досках. Из пасти вывалился серый язык. Чудище ждало добычу — тёплую, живую.

Я попятился. Спина упёрся в прилавок. Револьвер тянул руку. Пот заливал глаза, щипал веки. Левая рука легла на эфес сабли. Пальцы сомкнулись на рукояти.

Клинок вышел из ножен с тихим шелестом. Серебряная насечка тускло блеснула в свете уличного фонаря.

Появился интерфейс:

«Здоровье: 42/100. Энергия: 28/60. Патроны: 6/6 (обычные)».

Система не врал. Сорок два процента здоровья — это последствия стычки с ликаном. Ныло левое плечо — вывих, вправленный наспех. И энергия на исходе.

Чудовище замерло в трёх шагах. Башка наклонилась набок. В жёлтых глазах отразился свет фонаря. Горящие точки. Нечисть разглядывала меня. Изучала. Соображала, с какой стороны удобнее нападать.

— Ну давай, — я оскалился. — Чего ждёшь?

Страх сидел в животе ледяным комом. Но я знал: пока тварь видит, что ты боишься, она тянет.

Играет. Как кошка с мышью.

Я перехватил саблю обеими руками. Клинок — длинный, чуть изогнутый, с серебряной насечкой по всей длине — идеальное оружие против нечисти.

— Ко мне, — я поманил монстра, — пададь.

Упырь прыгнул.

Я выстрелил дважды. Первая пуля разворотила монстру плечо. Вторая чиркнула по виску, содрала кожу. Тварь даже не замедлилась. Лапа ударила сверху вниз.

Я принял удар на саблю. Клинок вошёл в плоть. Серебро зашипело, оставляя дымящуюся рану. Чудовище взвыло. Дёрнулось назад. Когти царапнули по рукаву, вспороли ткань.

Горячая кровь потекла по запястью. Своя или упыря — я не разбирал.

Мигнуло сообщение:

«Здоровье: 37/100».

Я рванулся вперёд, сократил дистанцию. Сабля описала короткую дугу. Лезвие располовало нечисти живот. Серебро работало. Рана не затягивалась, шипела, сочилась чёрной жижей. Монстр согнулся.

Я ударил ещё раз — сверху, целя в шею.

Тварь перехватила руку.

Пальцы сомкнулись на запястье. Стальные. Холодные. Кости захрустели. Оружие выпало. Лезвие звякнуло о половицы и отлетело в темноту. Я закричал. Боль была острой и горячей. Перед глазами поплыли красные круги.

Сообщение:

«Здоровье: 28/100. Конечность: левая рука — повреждение».

Чудовище швырнуло меня через весь зал. Я пролетел метра четыре. Стеллаж упал от удара. Полки рухнули. Посыпались коробки, склянки, рулоны кружев. Я прокатился по полу. Из лёгких вырвался хрип. Во рту — вкус крови.

Упырь надвигался. Медленно. Грузно. Лапы оставляли мокрые следы на досках. Из распоротого живота свисали ошмётки, но монстр шёл. Не чувствовал боли. Не знал усталости. Только голод.

Я перевернулся на живот. Ладони упёрлись в пол. Дерево — холодное и липкое — не то от крови, не то от масла из разбитых склянок. Попытался встать. Левая рука подломилась. Боль прострелила от запястья до плеча.

Револьвер. Где револьвер?

Я повернул голову. Оружие лежало в трёх шагах, у опрокинутой стойки.

Ближе, чем сабля. Я пополз.

Тварь взревела. Грохот шагов ускорился. Пол затрясся.

Я дотянулся. Пальцы сомкнулись на рукояти. Перекатился на спину. Вскинул ствол. Чудовище было уже в метре — нависало, заслоняя свет из витрины. Пасть распахнулась. Ряды кривых зубов блестели от слюны.

Я выстрелил в пасть.

Монстр захрипел. Пошатнулся. Но не упал. Лапы взметнулись, схватили меня за плечи. Когти пробили одежду.

Всплыл интерфейс:

«Здоровье: 17/100. Кровотечение».

Выстрелил ещё раз. И ещё. Три пули одна за другой разворотили грудь нечисти. Тварь покачнулась. Хватка ослабла. Я рванулся назад, выдирая плечи из когтей. Боль взорвалась фейерверком. Я вырвался. Упал на колени. Вскинул револьвер дрожащей рукой.

Барабан пуст.

Упырь снова шёл.

Шаг.

Ещё шаг.

Ноги заплетались. Раны на груди дымились, зарастали. Чёрная кровь заливала пол. Но чудовище шло. Жёлтые глаза горели голодом. Из горла вырывался клокочущий звук.

Я отбросил револьвер. Правая рука метнулась к поясу — пусто. Сабля осталась где-то в темноте у прилавка. Не достать. Не успеть. Пальцы нашарили рукоять ножа — оружие последнего шанса. Сталь. Не серебро. Бесполезно. Но другого не осталось.

Я поднялся. Ноги дрожали. Левая рука висела плетью. Горячая, липкая кровь пропитала рубашку и текла вниз, к поясу.

Монстр замер в шаге. Глаза уставились на нож. Нечисть понимала — этот металл не страшен. Не опасен. Пасть растянулась в подобии ухмылки.

— Смешно тебе? — я плюнул. — Ну давай, посмеёмся.

Я бросился вперёд.

Нож вошёл твари в глаз. Чудовище взревело. Лапы взметнулись, сгребли меня, сжали. Рёбра затрещали. Дыхание перехватило. Перед глазами всё поплыло.

Красное, тревожное окно:

«Здоровье: 9/100. Критическое повреждение».

Я проворачивал нож. Упырь тряс меня, пытался оторвать от себя. Когти рвали спину. Я висел мёртвым грузом, вцепившись в рукоять. Сил разжать пальцы уже не было.

Второй глаз монстра горел прямо перед лицом. Жёлтый. С вертикальным зрачком. Там, в глубине, плескался нечеловеческий, звериный ужас.

Голод.

— Сдохни, — надрывно шептал я. — Сдохни, сдохни, тварь!

Я налёг всем телом. Нож вошёл глубже. Чудовище дёрнулось в последний раз. Лапы разжались. Мы оба рухнули на пол. Тварь царапала когтями половицы.

Я отполз в сторону, нашарил в темноте рукоять сабли. Пальцы сомкнулись на наборной коже. Подтянул клинок к себе, перехватил поудобнее.

Упырь дёргался. Лапы скребли пол. Пасть открывалась и закрывалась, лязгая зубами. Чёрная кровь толчками выходила из ран.

Я поднялся. Шатало. Мир плыл. Но сабля в правой руке держала равновесие лучше трости. Шагнул к твари. Замахнулся. Клинок описал дугу — и опустился на шею монстра.

Хруст.

Ещё удар.

Позвонки треснули.

Голова откатилась к стене. Тело упыря замерло.

Появился интерфейс с текстом:

«Противник повержен: Упырь одичалый».

«Опыт +85».

«Уровень повышен до 4».

«Доступно очков характеристик: 2».

«Здоровье: 7/100».

Я выронил саблю. Клинок звякнул о пол. Я стоял, покачиваясь, над обезглавленным трупом. Смотрел, как чёрная кровь растекается лужей, смешиваясь с пылью и щепками.

Ноги подкосились. Рухнул на колени. Потом — на спину.

Сознание плыло. Боль превратилась в тупой гул, заполнивший всё тело. Я знал — плохой признак. Боль уходит и приходит смерть. Надо встать. Надо дойти до штаба. Надо принять «Кровь святого». Но тело не слушалось.

Мигало информационное окно:

«Внимание: уровень здоровья критический. Риск смерти — 96%. Рекомендовано: исцеление».

— Спасибо за рекомендацию, — усмехнулся я. — Ценный совет.

Губы разбиты. Во рту привкус меди. Слова вырывались со свистом. Язык ворочался с трудом.

Я скосил глаза. Труп монстра лежал рядом. Чёрная кровь натекла лужей.

Тело дёрнулось.

Я вздрогнул. Нет, показалось. Агония. Мышцы сокращаются.

Улица молчала. Даже выстрелы не разбудили Петербург. Окраина Лиговки спала. Или делала вид, что спит. Здесь привыкли не обращать внимания на шум по ночам.

Перевёл взгляд на разбитую витрину. Уличный фонарь мигал. Газ шипел. По мостовой проехал извозчик — цокот копыт, скрип колёс. Потом тишина. Серая мгла, подсвеченная огнями столицы. И где-то далеко, над Невой, — гудок.

Протяжный. Тоскливый.

Я закрыл глаза. Холод поднимался от ног к животу. Медленно, неумолимо, как вода в трюме тонущего корабля. Я чувствовал, как леденеют пальцы, как стынет кожа.

Сердце билось реже, слабее. Каждый удар отдавался в висках глухой болью. Я считал удары.

Раз.

Два.

Три.

Пауза.

Четыре.

Пауза длиннее.

Пять.

Попытался пошевелить правой рукой — подчинилась, но с трудом. Пальцы скользнули по половицам, нащупали холодную гильзу. Латунь. Бесполезная. Я сжал её в кулаке, чтобы почувствовать хоть что-то, кроме боли.

Петербург продолжит жить и без меня.

Где-то на Лиговке зажглись окна — жёлтые квадраты в серой мгле. Там люди пили чай, будили детей, читали газеты. Не знали. Не хотели знать. И правильно делали.

Я им завидовал — хотел сейчас оказаться среди них. Сидеть в тёплой кухне, смотреть на огонь в камине, слушать, как тикают часы на стене. Обычная жизнь, которую я потерял. Стало горько.

Вспомнил свою квартиру. Однушку на окраине, где вечно пахло растворимым кофе. Шумел системный блок.

Вспомнил дурацкие шторы, которые купила Лена. Кружку с надписью «Лучшему сотруднику» — подарок на Новый год от начальства.

Смешно. Лучшему. Ага.

Я не был лучшим. Просто средним — крепким середнячком, который не хватал звёзд, но и не лажал. Такие живут дольше всех — если не попадают под машину у бизнес-центра.

Я усмехнулся. Боль в рёбрах отозвалась острой вспышкой. Смеяться было нельзя. Но я смеялся — тихо, сквозь зубы. Кровь стекала по подбородку.

Система молчала. Я не знал, что происходит с интерфейсом после смерти носителя. Может, тот переходит к следующему. Может, исчезает.

Открыл глаза. Потолок всё так же висел над ним — лепной, равнодушный. Позолота блестела в свете фонарей. В трещинах копошились пауки.

Я смотрел на них и думал о том, что мир не остановится, когда меня не станет. Утром сюда зайдёт сторож — и вызовет полицию. Или не вызовет. Может, просто сбежит.

Я не хотел, чтобы меня нашли. Не хотел, чтобы тело выносили в мешке, как мусор. Не хотел, чтобы командир Шувалов качал головой и говорил что-то вроде «мы потеряли хорошего бойца». Потеряли. Слово-то какое. Будто я вещь.

Я сжал зубы. Ладонь правой руки уткнулась в пол. Медленно, по сантиметру, оторвал затылок от половиц. В глазах потемнело. З

амер. Подождал, пока мир перестанет вращаться. Опёрся на локоть.

Боль прошла грудь. Острая, горячая. Рёбра сместились — я чувствовал. Хрустнуло. Застонал. Но не остановился. Подтянул колени к животу. Сел. Мир качнулся влево, вправо. Стены поплыли. Стеллажи двоились.

Зажмурился. Посчитал до десяти. Открыл глаза. Стены стояли на месте.

Встать. Я перевалился на четвереньки. Левая рука висела плетью, бесполезная. Правая держала. Колени подогнулись. Пол был холодным и липким. Я упёрся кулаком в половицы. Выдохнул. Рывком поднялся.

Мир взорвался болью. Покачнулся. Схватился правой рукой за остов разбитого стеллажа. Дерево скрипнуло, но выдержало. Я стоял. Шатало. В глазах плавали чёрные пятна. Но я стоял.

Замигало окно:

«Здоровье: 6/100. Внимание: критическая нагрузка. Рекомендовано: исцеление и покой». — Покой, — прохрипел. — Обязательно. Вот только до дома дойду — и покой.

Вспомнил, как старший офицер влил мне первую склянку. В лазарете, после ритуала. Я тогда ещё не понимал, что это за жидкость. Просто глотал — и чувствовал, как раны затягиваются, кости срастаются.

Это было похоже на чудо.

Теперь я знал, что чудес не бывает. За всё нужно платить. Эта цена — привыкание. Медленное, незаметное. Как к куреву. Как к алкоголю.

Как к любой другой дряни, которая делает тебя сильным — а потом забирает всё.

Доковылял до трупа. Обезглавленное тело лежало, раскинув лапы. Я наклонился, выдернул нож из глазницы. Тварь не шевельнулась. Вытер лезвие о полу пиджака — своего, некогда дорогого, теперь превратившегося в кровавую тряпку. Сунул клинок в ножны.

Потом подобрал саблю. Та валялась у перевёрнутого прилавка, в луже чёрной крови. Я поднял клинок, осмотрел. Серебряная насечка потемнела, но лезвие осталось ровным. Протёр саблю той же тряпкой, что и нож, и сунул в ножны за спиной.

Револьвер лежал рядом. Патронов нет. Вытряхнул барабан. Гильзы звонко застучали по полу. Достал из подсумка патроны. Обычные. Пять штук. Ничего. Если не справлюсь — хватит и одного.

За окнами занимался рассвет.

Питерский, неласковый рассвет. Пробивался сквозь разбитую витрину, ложился на пол бледными полосами. Тени становились короче.

Где-то загрохотала телега — молочник вёз бидоны. Зацокали копыта. Залаяла собака. Город просыпался, не подозревая, что этой ночью в торговом доме «Братья Елесевы и Ко» уничтожен упырь и едва не умер охотник.

Дрожащей рукой, пошарил по кителю. Достал из внутреннего кармана маленькую склянку. Тёмное стекло. Серебряная пробка.

«Кровь святого». Последняя доза.

Пальцы не слушались. Пробка выскальзывала. Я сжал склянку, зубами выдернул пробку. Густая жидкость пахла железом и чем-то пряным. Как гвоздика. Или кардамон. Я никогда не мог понять, чем именно.

Один глоток. Всего один.

Жидкость обожгла горло. Тепло разлилось по телу — от пищевода к животу, от живота к конечностям. Боль отступила. Не ушла — но стала глуше, терпимее. Мышцы расслабились. Дыхание выровнялось. Сердце забило ровнее.

Появился интерфейс:

«Здоровье: 18/100. Временный эффект: +5% к регенерации на 2 часа».

Восемнадцать. Уже можно жить. Я выдохнул. Сунул пустую склянку в карман — не оставлять же улики. Развернулся и пошёл к чёрному ходу.

За спиной остался разгромленный зал. Обезглавленный труп. Лужи крови. Осколки стекла. Это не моя забота. Орден пришлёт своих людей.

Они приберут. Всегда прибирают.

Я толкнул дверь чёрного хода. Та открылась с тихим скрипом. Холодный воздух ударил в лицо — сырой, с примесью сажи из печных труб.

Шагнул на улицу.

Начинался дождь. Мелкий, противный — водяная пыль, которая щипала лицо. Я поднял воротник пиджака. Воротник висел на честном слове, порванный когтями.

Зашагал по мостовой в сторону Английской набережной. Идти далеко. Поймать бы повозку.

Ноги заплетались. В голове шумело. Но я шёл. Считал шаги.

Раз.

Два.

Три.

На четвёртом — споткнулся, ухватился за фонарный столб. Металл обжёг ладонь.

Постоял так с минуту. Отдышался. Пошёл дальше.

Я думал о том, что это не конец. Завтра будет новый упырь. Или ликан. Или кто похуже. Орден не прощает слабости. Командир Шувалов будет молча смотреть тяжёлым взглядом.

Оболенская будет кривить губы и называть обузой. Что впереди — бесконечная череда охот, драк, смертей. Только бы умирали лишь чудовища.

А ещё думал о том, что хочу жить.

Просто жить. Дышать. Видеть это серое небо над Невой. Слушать гудки дирижаблей. Чувствовать, как сердце бьётся в груди — чужое, но живое.

Шёл и вспоминал.

Как сидел в опенспейсе и смотрел в монитор. Как пил кофе из пластикового стаканчика. Как стоял у стеклянных дверей бизнес-центра под жарким июльским солнцем.

Я вспомнил всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.